

ЗАПРОСЫ

Въ связи съ преданіемъ суду бывшаго директора департамента полиціи Лопухина, Столыпинъ отвѣчалъ въ Государственной Думѣ 11-го февраля 1909 года на запросъ, касавшійся бывшаго сотрудника полиціи Азефа и его дѣятельности. Послѣдній обвинялся лѣвыми партіями Думы въ провокаціи; къ этому добавлялось, что Правительство въ качествѣ такового сознательно пользовалось его услугами. "Между тѣмъ, сказалъ Петръ Аркадьевичъ, дѣло Азефа — дѣло весьма несложное; и для Правительства и для Государственной Думы единственно достойный, единственно выгодный выходъ изъ него — это пусть самаго откровеннаго изложенія и оцѣнки фактовъ. Поэтому, господа, не ждите отъ меня горячей защитительной или обвинительной рѣчи, это только затемнило бы дѣло, придало бы ему вѣдомственный характер". Переходя къ обзору полицейской и, параллельно съ этимъ, революціонной дѣятельности Азефа, Петръ Аркадьевичъ доказалъ, что послѣдній въ террористическихъ современныхъ актахъ замѣшанъ не былъ, а наоборотъ, оказывалъ цѣнныя услуги въ предотвращеніи таковыхъ. Особенно съ 1906 года, когда Азефъ сталъ близко къ боевой террористической

организациі, онъ началъ парализовать всѣ дѣйствія центральнаго комитета и ни одинъ террористическій замыселъ не получилъ съ тѣхъ поръ осуществленія. Всѣ же преступленія того времени (покушеніе на Дубасова, взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, убійство Мина) удаются лишь, будучи дѣломъ независимыхъ террористическихъ организаций.

"Вотъ, господа, все, что по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ извѣстно объ Азефѣ. Я изучалъ подробно это дѣло, такъ какъ меня интересовало, нѣтъ ли въ немъ дѣйствительно уликъ въ соучастіи въ преступленіи, въ попустительствѣ или небрежности органовъ Правительства. Я этихъ данныхъ, указаній или уликъ не нашелъ. Если допустить, сказалъ далѣе Петръ Аркадьевичъ, что Азефъ общался департаменту полиціи все то, что онъ зналъ, то окажется, что одинъ изъ вожаковъ, одинъ изъ главарей революціи, былъ, собственно, не революціонеромъ, не провокаторомъ, а сотрудникомъ департамента полиціи, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но никакъ не для Правительства, а для революціонной партіи. Поэтому думаю, что насколько Правительству полезенъ въ этомъ дѣлѣ свѣтъ, настолько же для революціи необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужасъ увлеченнаго на преступный путь, но идейнаго, готоваго жертвовать собой, молодого человека, или дѣвушки, когда передъ ними обнаружится вся грязь верховъ революціи. Не выгодно ли ре-

волюціи распускать чудовищные, легендарные слухи о преступленіяхъ Правительства, переложить на Правительство весь одіумъ дѣла, обвинить его въ преступныхъ проискахъ, которые деморализуютъ и членовъ революціонной партіи, и самую революцію? Вѣдь легковѣрные люди найдутся всегда”.

Далѣе, Столыпинъ перешелъ къ личностямъ трехъ главныхъ обвинителей Азефа. Первымъ изъ нихъ — оказывается Бакай, провокаторъ, предатель и шантажистъ, который путемъ своихъ агентовъ вымогалъ у родственниковъ заключенныхъ, подлежащихъ скорому выпуску на свободу, крупныя суммы денегъ, якобы за ихъ освобожденіе. Вторымъ обвинитель — Бурцевъ. Съ 23-лѣтняго возраста его революціонной вѣрой былъ сплошной терроръ, убійства, царевубійства. Двѣ самыя свободолюбивыя страны, Англія и Швейцарія, признали его въ свое время преступнымъ: въ первой изъ нихъ онъ былъ въ 1898 году осужденъ на 18 мѣсяцевъ принудительныхъ работъ, за проповѣдь террора, изъ второй былъ высланъ за проповѣдь анархизма и терроризма въ своей книжкѣ “Къ оружію”.

Третьимъ обвинитель — Лопухинъ, бывший директоръ департамента полиціи, нынѣ (въ 1909 г.) преданный суду за сношенія съ революціонерами. Онъ предалъ Азефа революціонерамъ, сообщивъ имъ, что послѣдній былъ сотрудникомъ полиціи, а затѣмъ сталъ возводить на него голословныя обвиненія въ провокаціи. Первый выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что никакихъ данныхъ о провокатор-

ствѣ Азефа не имѣется. Вторымъ выводъ, заявилъ П. А., выводъ печальный, но неизбѣжный, что покуда существуетъ революціонный терроръ, долженъ существовать и полицейскій розыскъ. Познакомьтесь, господа, съ революціонной литературой, прочтите строки, поучающія о томъ, какъ надо бороться посредствомъ террора, посредствомъ бомбъ, причемъ рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунныя, для того, чтобы было больше осколковъ, или чтобы онѣ были начинены гвоздями. Ознакомьтесь съ проповѣдью царевубійства”.

Петръ Аркадьевичъ заявилъ, что Правительство боролось и всегда будетъ бороться съ провокаціей. “Но, господа, сказалъ онъ, уродливыя явленія нельзя возводить въ принципъ, и я считаю долгомъ заявить, что въ средѣ органовъ полиціи высоко стоитъ чувство чести и вѣрности присягѣ и долгу. Я знаю службу здѣшняго охраннаго отдѣленія, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся къ смертельной опасности. Я помню двухъ начальниковъ охраннаго отдѣленія, служившихъ при мнѣ въ Саратовѣ; я помню, какъ они меня хладнокровно просили, чтобы, когда ихъ убьютъ, я позаботился объ ихъ семьѣ. И оба они убиты и умерли они сознательно за своего Царя и свою Родину”.

Петръ Аркадьевичъ закончилъ словами: “Вся наша полицейская система, весь трудъ и сила, затрачиваемые на борьбу съ разъѣдающей язвой революціи, — конечно, не цѣль, а средство, средство

дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, потому что были попытки и въ законодательныя учрежденія бросать бомбы. А тамъ, гдѣ аргументъ — бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ — безпощадность кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты Престола и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, Правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ ваше строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнуть и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда изъ-за обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной, — свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, — преданной, какъ одинъ человекъ, своему Государю, — Россіи, — и время это, господа, наступаетъ; и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда”.

31-го марта 1911 года Петръ Аркадьевичъ отвѣчалъ на запросъ 32-хъ членовъ Государственной Думы, обвинявшихъ Правительство въ постоян-

номъ преуменьшеніи правъ Думы въ вопросахъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, въ частности, въ вопросѣ объ арміи. Подобный запросъ былъ неумѣстенъ, ибо не принадлежалъ къ числу, предоставленныхъ Государственной Думѣ по статьѣ 58. Распоряженіе арміей принадлежало исключительно Верховной Власти.

“Введите въ этотъ принципъ, сказалъ Столыпинъ, ядъ сомнѣнія, внушите нашей арміи хотя бы обрывокъ мысли о томъ, что устройство ея зависитъ отъ коллективной воли, и мощь ея уже перестанетъ покоиться на единственной, неизмѣнной, соединяющей нашу армію силѣ — на Власти Верховной. Думѣ же, въ предуказанныхъ ей рамкахъ, остается большая работа на преуспѣваніе нашей арміи. Но противозаконно было бы, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, использованіе законодательными учрежденіями своихъ бюджетныхъ или кредитныхъ правъ для закрѣпленія въ арміи удобнаго ей порядка... Я увѣренъ, что Государственная Дума съ силой отброситъ запросъ 32-хъ своихъ членовъ, предуказавъ этимъ, что въ дѣлѣ защиты Россіи мы всѣ должны соединить, согласовать свои усилія, свои обязанности и свои права для поддержанія одного историческаго высшаго права, права Россіи быть сильной”.

